

Est.1994

JCL

Journal of the College of Languages
An Open Free Access, Peer Reviewed Research Journal

<https://jcolang.uobaghdad.edu.iq>

P-ISSN: 2074-9279
E-ISSN: 2520-3517
No. (51)2025
PP.209-236

Transformation of Slogans and Stereotypes in Response to Shifts in Political Discourse

¹Ali Hussien Hadi, ²Al-Beder Adnan Habeeb Lafta

¹ University of Baghdad, Department of Scholarships and Cultural Relations.
Baghdad, Iraq

²University of Kerbala, Kerbala,Iraq.

Corrresponding Author: ali.hadi@uobaghdad.edu.iq

<http://orcid.org/0009-0001-2830-5821>

(Received on 31/8/2024 - Accepted on 17/11/2024 - Published on 2/1/2025)

DOI: <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2025.0.51.0209>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract

This study examines the transformation of political slogans, clichés, and stereotypes in Russia and Iraq during periods of political regime change in the late 20th and early 21st centuries. The main objective of the work is to identify and comparatively analyze the linguistic and cultural changes that accompanied political transformations in both countries. The research is based on theoretical concepts of political myth, framing, and critical discourse analysis. The research methodology includes content analysis of political texts, comparative analysis of linguistic transformations, and analysis of statistical data on cultural consumption. The main hypothesis is that, despite the presence of common trends in linguistic and cultural changes due to global processes of democratization and globalization, the specific forms and dynamics of these changes differ significantly depending on the national context. The results of the study demonstrate that both countries experienced processes of de-ideologization of socio-political vocabulary, democratization of public rhetoric, and pluralization of worldviews. However, significant differences were also revealed, particularly in the nature of language policy and the role of religion in public

discourse. The study contributes to understanding the mechanisms of interaction between language, culture, and politics in conditions of radical social transformations and can be used to predict the socio-cultural consequences of political changes.

Keywords: Comparative analysis, Discourse analysis, Political myth-making, Rhetorical framing

Трансформация лозунгов и стереотипов при смене политического курса

Аннотация:

Данное исследование посвящено анализу трансформации политических лозунгов, клише и стереотипов в России и Ираке в периоды смены политических режимов конца XX - начала XXI веков. Основная цель работы заключается в выявлении и сравнительном анализе лингвокультурных изменений, сопровождавших политические преобразования в обеих странах. Исследование опирается на теоретические концепции политического мифа, фреймирования и критического дискурс-анализа.

Методология исследования включает контент-анализ политических текстов, сравнительный анализ лингвистических трансформаций и анализ статистических данных по культурному потреблению. Основная гипотеза состоит в том, что, несмотря на наличие общих тенденций в лингвокультурных изменениях, обусловленных глобальными процессами демократизации и глобализации, конкретные формы и динамика этих изменений существенно различаются в зависимости от национального контекста.

Результаты исследования демонстрируют, что в обеих странах наблюдались процессы деидеологизации общественно-политической лексики, демократизации публичной риторики и плюрализации мировоззрений. Однако выявлены и существенные различия, в частности, в характере языковой политики и роли религии в общественном дискурсе. Исследование вносит вклад в понимание механизмов взаимодействия языка, культуры и политики в условиях радикальных общественных трансформаций и может быть использовано для прогнозирования социокультурных последствий политических изменений.

Ключевые слова: Анализ дискурса, Политическое мифотворчество, Риторическое фреймирование, сравнительный анализ.

Введение

Изменение политического режима в государстве неизбежно влечет за собой трансформацию многих аспектов общественной жизни, включая язык, культуру и общественное сознание. Данное исследование посвящено анализу влияния смены политических режимов на лингвистические и культурные аспекты в России и Ираке, двух странах, переживших значительные политические преобразования в конце XX - начале XXI веков.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания процессов трансформации общества в условиях смены политических парадигм. Изучение изменений в языке, лозунгах и общественных стереотипах позволяет проследить, как политические преобразования отражаются на культурном и ментальном уровнях, формируя новую социальную реальность.

Объектом исследования являются лингвистические и культурные изменения в России и Ираке в периоды смены политических режимов. Предметом исследования выступают конкретные языковые и культурные феномены: лозунги, клише, стереотипы, а также изменения в общественно-политической лексике.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе влияния изменений политических режимов на язык и культуру России и Ирака, а также в сравнительном анализе этих процессов в двух странах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать исторический контекст политических изменений в России и Ираке в конце XX - начале XXI веков.
2. Выявить основные лингвистические изменения, произошедшие в результате смены политических режимов в обеих странах.
3. Исследовать трансформацию общественно-политических лозунгов и клише в контексте политических преобразований.
4. Проанализировать изменения в общественных стереотипах и массовом сознании, связанные со сменой политических режимов.
5. Провести сравнительный анализ лингвистических и культурных изменений в России и Ираке, выявляя общие тенденции и национальные особенности.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых в области политологии, социолингвистики и культурологии. В частности, исследование опирается на теории политических режимов [Арон, 2003][Aron,2003]; [Матузов & Малько, 1997] [Matuzov, N. I., & Malko, A. V.], концепции взаимосвязи языка и политики [Чудинов, 2006] [Chudinov,2006]; [Fairclough, 1989], а также теории социальных изменений [Штомпка, 1996] [Sztompka, P.,1996].

Методология исследования включает в себя комплекс общенаучных и специальных методов. Среди них: историко-сравнительный метод, позволяющий проследить динамику изменений в диахронической перспективе; метод контент-анализа, применяемый для изучения текстов лозунгов и общественно-политического дискурса; метод лингвистического анализа, используемый для выявления семантических и стилистических изменений в языке; компаративный метод, необходимый для сравнения процессов в России и Ираке.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном анализе лингвистических и культурных изменений в России и Ираке в контексте смены политических режимов. Впервые проводится параллельное исследование трансформации лозунгов, клише и стереотипов в двух странах с различными политическими и культурными традициями.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии междисциплинарного подхода к изучению взаимосвязи политических изменений и лингвокультурных процессов. Результаты исследования могут способствовать дальнейшему развитию теорий политической лингвистики и социокультурной динамики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для прогнозирования социокультурных последствий политических трансформаций, а также в образовательных целях при разработке курсов по политологии, социолингвистике и культурологии.

Структура работы обусловлена логикой исследования и состоит из введения, двух глав, обсуждения, заключения и списка использованной литературы. В введении рассматриваются теоретические аспекты взаимосвязи политических режимов и лингвокультурных процессов, а также исторический контекст политических изменений в России и Ираке. Первая и вторая глава посвящена анализу конкретных лингвистических и культурных изменений в обеих странах, их сравнительному анализу и обобщению полученных результатов.

В ходе исследования предполагается ответить на следующие ключевые вопросы:

1. Каковы основные механизмы влияния политических изменений на язык и культуру общества?
2. Какие лингвистические и культурные изменения наиболее ярко отражают трансформацию политических режимов в России и Ираке?
3. Существуют ли универсальные тенденции в изменении лозунгов, клише и стереотипов при смене политических режимов, или эти процессы в большей степени обусловлены национальной спецификой?
4. Как изменения в языке и культуре влияют на общественное сознание и политическую культуру в целом?

Таким образом, данное исследование призвано внести вклад в понимание сложных взаимосвязей между политическими трансформациями и лингвокультурными процессами в обществе, что имеет важное значение как для теоретического осмысления социальных изменений, так и для практического прогнозирования их последствий.

Обзор литературы

Анализ трансформации политических лозунгов, клише и стереотипов в периоды смены режимов требует интеграции взаимодополняющих теоретических концепций, сфокусированных на взаимосвязи языка, культуры и власти в социальных контекстах. Ключевые теоретические основы данного исследования включают теорию политического мифа, теорию фреймирования и критический дискурс-анализ.

Теория политического мифа, разработанная Боттичи¹ объясняет, как идеологические системы стабилизируют властные отношения посредством риторического конструирования общих мировоззрений. Политические мифы предоставляют легко усваиваемые нарративы, поясняющие национальную идентичность, обязанности гражданства, философии управления и угрозы обществу. Боттичи характеризует их как "форму идеологии в нарративной форме" (с. 320). Важно отметить, что политические мифы маскируют свою дискурсивную сконструированность, презентуя себя в качестве вечной мудрости. Следовательно, смены режимов, помещающие новые группы у власти, порождают необходимость перелепливания национальной мифологии в соответствии с возникающими идеологиями и интересами.

¹ [Bottici, 2006:320]

Теория фреймирования, разработанная Энтманом² акцентирует внимание на риторических способах, используемых для продвижения определенных интерпретаций и оценок событий и проблем. Центральное значение для фреймирования имеет "выбор и выделение", при которых коммуникаторы подчеркивают "некоторые аспекты воспринимаемой реальности" для одобрения конкретных определений, суждений и решений (с. 52-53). Фреймы диагностируют причины, выражают моральные оценки и отстаивают желаемые результаты. В контексте смены режимов особенно актуально то, как фреймирование конструирует новые режимы в качестве решений проблем, терзавших их предшественников.

Критический дискурс-анализ, разработанный Фэрклоу³ подчеркивает роль лингвистики в формировании и передаче знаний, переплетенных с властными отношениями в обществе. Данный подход рассматривает язык как социальную практику, задавая вопрос "как дискурс проявляется в процессах социальных изменений" (с. 357). Это предполагает изучение риторических стратегий и лингвистических форм, посредством которых дискурс наделяет одни голоса властью, маргинализируя другие, в периоды социальной борьбы и споров за значение Janks⁴.

Синтез этих концепций обеспечивает многомерную перспективу культурно-лингвистической динамики при смене режимов. По мере переконфигурации властных отношений, политические мифологии и техники фреймирования требуют реформулировки для укрепления возникающих философий управления. Это инициирует риторическую борьбу за дискурсы, составляющие новые национальные идентичности и обязанности гражданства, предполагая пересмотр лингвистических форм, закрепленных в предыдущих режимах.

В контексте России и Ирака ряд исследователей анализировал лингвистические и культурные изменения, сопровождавшие политические трансформации в этих странах. Чудинов⁵ Chudinov (2006) исследовал взаимосвязь языка и политики в России, отмечая, как политический дискурс эволюционировал в постсоветский период. Автор выделяет ключевые изменения в риторических стратегиях и лексике, отражающие сдвиг от советской идеологии к новым политическим реалиям.

² [Entman, 1993:52-53]

³ [Fairclough, 1989:357]

⁴ [Janks, 1997:329-342]

⁵ [Чудинов, 2006:90] [Chudinov, 2006:90]

Штомпка⁶ (1996) анализировал социальные изменения в России с точки зрения культурной травмы, вызванной резким переходом от советской системы к рыночной экономике и демократии. Его работа проливает свет на то, как трансформация политического режима отразилась на коллективных представлениях и социальных нормах.

В отношении Ирака, Дыдко⁷ (2003) исследовал влияние смены политических режимов на общественно-политический дискурс страны. Автор отмечает, как риторика баасистского режима сменилась новыми формами политической коммуникации после свержения Саддама Хусейна в 2003 году.

Бушев⁸ (2004) провел риторический анализ публичных коммуникаций Пентагона во время военной операции в Ираке, выявив ключевые стратегии фреймирования, используемые для легитимации военных действий. Его работа демонстрирует, как внешние акторы могут влиять на формирование политического дискурса в стране, переживающей смену режима.

Герасимов⁹ (2004) исследовал трансформацию экономического дискурса в Ираке, сосредоточившись на изменениях в риторике вокруг нефтяной промышленности страны. Его анализ показывает, как экономические интересы отражаются в политическом языке и пропаганде.

Сравнительный аспект изменений политического дискурса в России и Ираке недостаточно изучен в существующей литературе. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, проводя параллельный анализ трансформации лозунгов, клише и стереотипов в двух странах с различными политическими и культурными традициями.

Методологически исследование опирается на работы Тэрроу [Tarrow, 2010], обосновывающего преимущества сравнительного анализа для выявления общих закономерностей в различных социально-политических контекстах. Применение критического дискурс-анализа к политическим текстам и выступлениям позволяет выявить ключевые изменения в риторических стратегиях и лингвистических формах, сопровождающих смену режимов.

Таким образом, данное исследование, интегрируя теоретические концепции политического мифа, фреймирования и критического

⁶ [Штомпка, 1996:126-154] [Sztompka, 1996:126-154]

⁷ [Дыдко, 2003:9-15] [Dydko, 2003:9-15]

⁸ [Бушев, 2004:39-43] [Bushev, 2004:39-43]

⁹ [Герасимов, 2004:179] [Gerasimov, 2004:179]

дискурс-анализа, а также опираясь на существующие работы по политической лингвистике России и Ирака, стремится внести вклад в понимание сложных взаимосвязей между политическими трансформациями и лингвокультурными процессами в обществе.

1. Влияние изменения политического режима на местные лозунги, клише и общепринятые стереотипы российского народа

Советский режим культивировал отличительные лозунги, клише и стереотипы, прославляющие коммунистическую идеологию и советское государство. Центральными темами были классовая борьба, диктатура пролетариата, социалистический коллективизм и марксистско-ленинская мысль как просвещенный путь вперед. Риторически этот дискурс натурализовывал доминирование партийно-государственной системы посредством мифотворчества, представлявшего советские властные отношения как исторически неизбежные.

Такие лозунги, как «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Да здравствует диктатура пролетариата!» фреймировали национальную идентичность и обязанности гражданства через лояльность коммунистическому проекту [Kotkin, 1995:10]. Такие клише, как «Партия и народ едины» и «Советские люди – самые счастливые люди в мире», аналогично прославляли существующую систему. Госпропаганда культивировала представление, что «все советское – лучшее» [Riordan, 2007: 376]. Такие стереотипы, как модель стахановца, возвеличивали тех, кто демонстрировал крайнюю производительность труда на благо государства [Bonnell, 1999: 10].

Этот дискурс натурализовывал партийно-государственную систему посредством мифических нарративов, изображающих большевиков исторически избранным народом, предопределенным построить коммунизм [Dixon, 2017: 140]; [Kotkin, 1995: 10]. Такие избирательные лозунги, как «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», фреймировали лояльность коммунистам как экзистенциальную борьбу добра со злом, сродни религиозной преданности. Как отмечает White¹⁰, «Истинный верующий призывается довериться Партии... то, что считается хорошим или плохим, является прямым выражением партийного мышления» (с. 10).

Партия и Сталин не могли воспитывать «массы» советского народа иначе, чем на самых «высоких» призывах и лозунгах, сообразуясь со

¹⁰ [White, 1990:10]

свойством совести, оставшейся в «массах», и более того - опираясь на неё, используя её, чтобы держать в должном добровольном послушании себе советский народ.

Сталинские лозунги были не просто ритуально-формальным заключением его выступлений, в них концентрировались и мысль, и пафос его воззваний. Эта необычайная энергия мысли- воления вождя мобилизовывала миллионы людей, воодушевляя их на победу, формируя их эмоции и образ мыслей. Растиражированные в миллионах газет, плакатов и листовок, эти чрезвычайно проникновенные лозунги надолго закреплялись в сознании советских людей, в культуре и языке. Сегодня не многие помнят, что авторство большого количества клише и устойчивых словосочетаний, которыми мы активно пользуемся и по сей день ("кадры решают всё", "жить стало лучше, жить стало веселее", "наше дело правое - враг будет разбит, и победа будет за нами" и многие другие), принадлежит Иосифу Виссарионовичу Сталину. Многие из этих вошедших в культуру формулировок впервые прозвучали именно в военных речах Сталина.

Так, например, в анализируемом приказе впервые прозвучала проникновенная фраза "Вечная слава героям,, павшим в боях за свободу и независи- мость нашей родины!", которую с этого дня Сталин включал во все свои обращения. Из речей Сталина она была заимствована в стихи и песни о войне, она застыла в мраморе сотен памятников героям Великой Отечественной войны. В этом же приказе в ряду других привычных лозунгов-здравиц Сталин впервые прославляет "великий советский народ":

Да здравствует наше Советское Отечество!, Да здравствует наша Красная Армия и Военно-Морской Флот! , Да здравствует великий советский народ!, Да здравствует дружба народов Советского Союза! , Да здравствуют советские партизаны и партизанки!, Вечная слава героям,, павшим в боях за свободу и независимость нашей родины! , Смерть немецким захватчикам!

Режим также культивировал антизападные фреймы, противопоставляющие советские добродетели западным порокам, таким как жадность, эксплуатация и духовное оскудение. Особенно США¹¹ представлялись идеологическим врагом СССР¹² [Dixon, 2017: 140]; [Riordan, 2007: 376]. В конечном счете, коммунистические

¹¹ США: Соединённые Штаты Америки.

¹² СССР: Союз Советских Социалистических Республик.

лозунги, клише и стереотипы мифологизировали советскую систему посредством манихейских бинарностей, прославляющих партийно-государственную систему.

После коллапса Советского Союза перед политическими элитами встала задача сформулировать новые национальные мифологии и техники фреймирования, резонирующие с демократическим управлением и рыночной экономикой. Соответственно, советские лозунги и клише в основном исчезли из официального дискурса. Некоторая коммунистическая фразеология сохранялась у советских ностальгистов и националистов [Gudkov, 2004: 10]; [Laruelle, 2009: 140]. Но в целом официальный дискурс сместился к демократическим и индивидуалистическим темам.

Новые лозунги включали «Свобода и демократия для всех» и «Россия, к светлому будущему» [Scherr, 2017: 124]. Они фреймировали посткоммунистическую Россию как уходящую от диктатуры к просвещенной современности. Такие клише, как «Будущее России принадлежит свободе», аналогично подчеркивали либеральные ценности [Mendelson, 2005: 140]. Возникли стереотипы, возвеличивающие капиталистических предпринимателей как национальных героев, поскольку идеология сместилась от коллективизма к индивидуализму [Gudkov, 2004: 10].

Эпохальные мифы изображали демократизацию как исторически predetermined для России, а коммунизм – как aberrацию ее «истинной» прозападной идентичности [Kuzio, 2022: 300]; [Tsygankov, 2021: 140]. Как отмечает [Kotkin, 1995: 24], «Россия представлялась деформированной советским опытом... «Истинная» Россия была антагонистична советской власти». Этот мифический нарратив фреймировал смену режима как «революционное восстановление», исправляющее коммунистические отклонения [Scherr, 2017: 124].

Фреймировка Запада также радикально сместилась – от врага в холодной войне к модели для подражания [Gudkov, 2004]; [Laruelle, 2009]. Однако националисты сохраняли антизападное фреймирование с лозунгами типа «Россия для русских» [Scherr, 2017: 116–119]. В конечном счете, в официальном дискурсе доминировали демократические мифы и лозунги, продвигающие вестернизацию, хотя с поправкой на отпор со стороны советских ностальгистов и националистов.

Анализ

Трансформация политического режима в России на рубеже XX-XXI веков оказала значительное влияние на лингвокультурные аспекты жизни общества. Данная глава посвящена анализу конкретных лингвистических и культурных изменений, произошедших в результате перехода от советской системы к современному российскому государству.

Трансформация общественно-политической лексики

Одним из наиболее заметных лингвистических изменений стала трансформация общественно-политической лексики. Анализ корпуса текстов СМИ и публичных выступлений политических деятелей позволяет выделить следующие ключевые тенденции:

1. Деидеологизация лексики. Многие идеологически окрашенные термины советского периода (например, "коммунизм", "социалистическое соревнование", "партийная дисциплина") вышли из активного употребления или приобрели негативные коннотации.
2. Появление новых политических терминов. В активный словарь вошли такие понятия, как "многопартийность", "гражданское общество", "правовое государство", отражающие новые политические реалии.
3. Переосмысление существующих терминов. Некоторые слова приобрели новые значения или коннотации. Например, слово "демократия" из абстрактного идеала превратилось в обозначение конкретной политической системы.
4. Заимствование иностранной лексики. В политический дискурс активно вошли такие термины, как "импичмент", "электорат", "праймериз", отражающие заимствование западных политических институтов и практик.

Изменения в публичной риторике

Анализ публичных выступлений политических лидеров позволяет выявить следующие изменения в риторических стратегиях:

1. Отказ от мобилизационной риторики. Если в советский период преобладали призывы к трудовым подвигам и борьбе с внешними и внутренними врагами, то в современном дискурсе акцент смещается на стабильность и постепенное развитие.
2. Персонализация политической коммуникации. На смену коллективистским формулировкам ("мы", "наша партия", "советский

народ") приходит более индивидуализированная риторика, акцентирующая личность политического лидера.

3. Деформализация языка. Наблюдается тенденция к использованию более разговорных, неформальных языковых средств в публичной коммуникации политиков.

4. Изменение аргументативных стратегий. Если в советский период преобладала апелляция к идеологическим догмам и авторитету партии, то современный политический дискурс характеризуется большим разнообразием аргументативных техник, включая апелляцию к рациональным и прагматическим соображениям.

Сравнительный анализ ключевых слов в выступлениях политических лидеров демонстрирует следующую динамику:

Период	Ключевые слова
1985-1991	Перестройка, ускорение, гласность, социализм
1992-2000	Реформы, рынок, демократия, свобода
2001-2020	Стабильность, развитие, модернизация, традиционные ценности

Трансформация лозунгов и клише

Важным аспектом лингвокультурных изменений стала трансформация устойчивых лозунгов и клише. Можно выделить следующие тенденции:

1. Исчезновение идеологических лозунгов советского периода ("Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", "Слава КПСС¹³!").
2. Появление новых лозунгов, отражающих ценности рыночной экономики и демократии ("Свобода лучше, чем несвобода", "Голосуй или проиграешь").
3. Трансформация существующих лозунгов. Например, советский лозунг "Экономика должна быть экономной" трансформировался в рыночный "Экономика должна быть эффективной".

¹³ КПСС: Коммунистическая партия Советского Союза.

4. Деидеологизация и прагматизация лозунгов. На смену абстрактным идеологическим призывам приходят более конкретные и прагматичные формулировки.

Изменения в языковой политике

Трансформация политического режима привела к значительным изменениям в языковой политике государства:

1. Отказ от политики русификации национальных республик. Языки национальных меньшинств получили больше прав и возможностей для развития.

2. Либерализация языковых норм. Наблюдается ослабление государственного контроля за соблюдением языковых норм, что привело к большей вариативности в использовании языка.

3. Изменение статуса русского языка. С распадом СССР русский язык утратил статус языка межнационального общения на постсоветском пространстве, что привело к сокращению его использования в ряде бывших советских республик.

4. Влияние глобализации. Усилилось влияние английского языка, особенно в сфере бизнеса и информационных технологий.

Культурные изменения

Лингвистические изменения сопровождались значительными трансформациями в культурной сфере:

1. Плюрализация культурного пространства. На смену единой советской культуре пришло разнообразие культурных форм и практик.

2. Коммерциализация культуры. Культурное производство все больше ориентируется на рыночные механизмы, что влияет на содержание и формы культурной продукции.

3. Глобализация культурного потребления. Усилилось влияние западной массовой культуры, особенно в молодежной среде.

4. Переоценка культурного наследия. Происходит переосмысление советского культурного наследия, реабилитация ранее запрещенных культурных явлений.

Изменения в общественном сознании

Лингвокультурные трансформации отражают и одновременно влияют на изменения в общественном сознании:

1. Индивидуализация ценностей. Наблюдается смещение от коллективистских к более индивидуалистическим ценностям.

2. Прагматизация мышления. Идеологические установки уступают место прагматическим соображениям в оценке социальных явлений.
3. Плюрализация мировоззрений. На смену единой идеологической системе приходит разнообразие мировоззренческих установок.
4. Изменение исторического сознания. Происходит переоценка исторических событий и фигур, формирование новых исторических нарративов.

Анализ лингвокультурных изменений в России на рубеже XX-XXI веков демонстрирует глубокие трансформации, затронувшие все аспекты общественной жизни. Наблюдается деидеологизация и прагматизация языка, плюрализация культурного пространства, индивидуализация ценностей. Эти изменения отражают фундаментальную перестройку социальной и политической системы страны, переход от советской модели к новым формам общественной организации.

Вместе с тем, следует отметить неравномерность и противоречивость этих процессов. Наряду с тенденциями к либерализации и демократизации языка и культуры, в последние годы наблюдаются и противоположные тенденции, связанные с усилением государственного контроля в культурной сфере и попытками формирования новой идеологической системы.

Дальнейшее исследование лингвокультурных трансформаций в России требует более детального анализа региональных особенностей этих процессов, а также изучения влияния новых информационных технологий на языковые и культурные практики.

2. Влияние изменения политического режима на местные лозунги, клише и общепринятые стереотипы иракского народа

Режим Баас в Ираке распространял политический язык, прославляющий лично Саддама Хусейна¹⁴, партию Баас, иракский национализм и панарабское единство. Риторически этот дискурс был нацелен на натурализацию режима Саддама, представляя военное наращивание и авторитарный контроль как жизненно важные для национального развития Ирака и регионального лидерства [Al- Marashi, 2018: 203]; [Ihsan, 2015: 29].

Такие лозунги, как «Саддам – это Ирак», «Да здравствует Саддам Хусейн» и «Нашей кровью и душами мы будем защищать тебя,

¹⁴ Бывший президент Ирака (1979–2003). (Саддам Хусейн Бывший президент Ирака (1979 – 2003), 2024)

Саддам», фреймировали лояльность лидеру как тождественную гражданству. Клише, изображающие Саддама как «непобедимого», «отважного рыцаря» и «льва арабов», мифологизировали его как эпического героя, незаменимого для славы Ирака [Ihsan, 2015: 29]. Госпропаганда возвеличивала Саддама, «превосходящего Навуходоносора в отваге и имперском строительстве» [Al- Ali, 2014: 205].

Особое внимание уделялось баасизации средств массовой информации, огромные средства выделялись на совершенствование методов и форм пропаганды и социальной демагогии.

В это время появились новые лозунги, которые отражали мысли режима и служили призывом к войне. Эти лозунги дали силу Саддаму Хусейну, чтобы стать непобедимым в глазах арабов.

«Славный товарищ», «день рождения лидера», «советы лидера», «армия лидера», «мысли лидера», «молодежи лидера», «товарищ лидер», «мудрое руководство» ... и т.д.

В 1980 г. когда произошла война между Ираком и Ираном, поднялись лозунги о войне:

«день победы», «восточная ворота», «вторая Кадиссия¹⁵», «герой народа», «нужный лидер», «герой освобождения», «Аль Кадиссия мечь¹⁶», «17 апреля (день освобождения города Аль Фау)», «экспортная революция», «река Джасима¹⁷» и др.

В 1991 г. произошла революция Шаббана на юге Ирака. Народ показал, что ищет свободу и хочет избавиться от Саддама Хусейна. К сожалению, Саддам затушил огонь революции и казнил всех революционеров. Тогда выдвигались такие лозунги:

«мать битвы», «желтая буря», «предатели», «посредники», «белые города», «черные города», «посредники Ирана» и др.

Другая риторика прославляла партию Баас с лозунгами типа «Одна арабская нация с вечным посланием» и «Единство, свобода, социализм», фреймирующими панарабизм как историческую миссию партии [Bengio, 2012: 140]; [Ihsan, 2015: 29]. Клише позиционировали баасистский Ирак как «восточные ворота арабской нации» и ведущую силу на пути к «единству и свободе от империализма» [Ihsan, 2015: 29]. Этот дискурс представлял баасистское государство единственной

¹⁵ Ирано-иракская война (1980–1988), (Britannica).

¹⁶ [Samer, 2010].

¹⁷ Река Джасим, [Mohammed, 2019].

силой, предотвращающей уничтожение Ирака иностранными заговорщиками вроде Ирана, Израиля и западных держав.

В конечном счете, лозунги возвеличивали Саддама как спасителя Ирака, а клише фреймировали баасистскую систему как единственное средство объединить и усилить арабскую нацию против империалистов. Эта мифология сакрализовывала авторитарное правление как существенное для национального спасения.

После 2003 года реваншистские баасистские лозунги типа «Нет Америке» в официальном дискурсе сменились темами, продвигающими национальное единство, демократию и антисектантство [Al- Ali, 2014: 203]; [Bengio, 2012: 17]. Новые лозунги включали «Да Ираку», выбранный в качестве темы выборов 2005 года как символизирующий надежду на иракское самоопределение [Al- Ali, 2014: 205]. Клише, прославляющие Саддама, заменили демократические максимы вроде «народ является источником власти» [Bengio, 2012: 233].

Однако эти объединяющие лозунги маскировали разжигание сектантства, высвобожденного падением Саддама. Суннитская риторика стереотипизировала шиитское правительство как «сафавидов» и «пятую колонну» Ирана, в то время как шииты демонизировали суннитов как «террористов» и «верных баасистов» [Warrick, 2022: 300]. Соперничающие секты боролись за то, чтобы сфреймировать себя как «истинных» национальных представителей, с лозунгами типа «Не сунниты, не шииты, просто иракцы», имплицитно исключаящими другую сторону [Warrick, 2022: 300]. Террористические группы вроде ИГИЛ¹⁸ также использовали баасистские темы в лозунгах типа «Оставаться и расширяться» [Ingram, 2020].

В конечном счете, после смены режима официальный дискурс усвоил инклюзивные демократические лозунги. Но дестабилизация способствовала возрождению исключаящих фреймов, которые подпитывали сектантство. Это осложнило сдвиг от баасистского к демократическому политическому языку.

Анализ

Трансформация политического режима в Ираке на рубеже XX-XXI веков оказала значительное влияние на лингвокультурные аспекты

¹⁸ ИГИЛ: Исламское государство Ирака и Леванта.

жизни общества. Данная глава посвящена анализу конкретных лингвистических и культурных изменений, произошедших в результате смены политических парадигм в стране.

Трансформация общественно-политической лексики

Одним из наиболее заметных лингвистических изменений стала трансформация общественно-политической лексики. Анализ корпуса текстов СМИ и публичных выступлений политических деятелей позволяет выделить следующие ключевые тенденции:

1. Идеологизация лексики в период правления партии Баас. В активный словарь вошли такие понятия, как "баасизм", "арабский социализм", "панарабизм", отражающие идеологию правящего режима.
2. Милитаризация лексики в период ирано-иракской войны и войны в Персидском заливе. Широкое распространение получили такие термины, как "восточные ворота", "мать всех битв", "день победы".
3. Деидеологизация лексики после свержения режима Саддама Хусейна. Многие идеологически окрашенные термины баасистского периода вышли из активного употребления или приобрели негативные коннотации.
4. Появление новых политических терминов, связанных с демократизацией. В активный словарь вошли такие понятия, как "многопартийность", "гражданское общество", "федерализм".
5. Заимствование англоязычной политической терминологии. В политический дискурс активно вошли такие термины, как "коалиционные силы", "временная администрация", "зеленая зона".

Изменения в публичной риторике

Анализ публичных выступлений политических лидеров Ирака позволяет выявить следующие изменения в риторических стратегиях:

1. Переход от монологической к диалогической модели коммуникации. Если в период правления Саддама Хусейна преобладали односторонние обращения лидера к народу, то в постсаддамовский период наблюдается тенденция к более интерактивным формам политической коммуникации.
2. Изменение аргументативных стратегий. В баасистский период преобладала апелляция к идеологическим догмам и авторитету партии и лидера. Современный политический дискурс характеризуется большим разнообразием аргументативных техник, включая апелляцию к демократическим ценностям и прагматическим соображениям.

3. Трансформация образа врага. В период правления Саддама Хусейна основными врагами представлялись "сионизм" и "персидский экспансионизм". В современном дискурсе на первый план выходят "терроризм" и "религиозный экстремизм".

4. Изменение риторики национального единства. Если в баасистский период акцент делался на арабской идентичности иракцев, то современный дискурс подчеркивает многонациональный характер иракского общества.

Сравнительный анализ ключевых слов в выступлениях политических лидеров демонстрирует следующую динамику:

Период	Ключевые слова
1980-1990	Арабская нация, социализм, антиимпериализм
1991-2003	Национальное достоинство, борьба с санкциями, иракская самобытность
2004-2020	Демократия, национальное примирение, борьба с терроризмом

Трансформация лозунгов и клише

Важным аспектом лингвокультурных изменений стала трансформация устойчивых лозунгов и клише. Можно выделить следующие тенденции:

1. Исчезновение идеологических лозунгов баасистского периода ("Единство, свобода, социализм!", "Одна арабская нация с вечной миссией").
2. Появление новых лозунгов, отражающих ценности демократии и национального примирения ("Ирак для всех иракцев", "Единство в многообразии").
3. Трансформация существующих лозунгов. Например, баасистский лозунг "Слава Ираку!" трансформировался в более нейтральный "Да здравствует Ирак!".
4. Деидеологизация и прагматизация лозунгов. На смену абстрактным идеологическим призывам приходят более конкретные и прагматичные формулировки.

Изменения в языковой политике

Трансформация политического режима привела к значительным изменениям в языковой политике Ирака:

1. Признание многоязычия. Если в период правления Саддама Хусейна арабский язык был единственным официальным языком, то Конституция 2005 года признала курдский вторым официальным языком страны.
2. Расширение прав языковых меньшинств. Конституция 2005 года гарантировала право на образование на родном языке для туркменов, ассирийцев и армян.
3. Ослабление политики арабизации. Прекратилась практика принудительной смены неарабских имен и названий населенных пунктов на арабские.
4. Влияние глобализации. Усилилось влияние английского языка, особенно в сфере бизнеса и высшего образования.

Культурные изменения

Лингвистические изменения сопровождались значительными трансформациями в культурной сфере:

1. Плюрализация культурного пространства. На смену монополии баасистской культурной политики пришло разнообразие культурных форм и практик.
2. Возрождение религиозной культуры. Ослабление светского характера государства привело к усилению роли религии в общественной жизни.
3. Глобализация культурного потребления. Усилилось влияние западной массовой культуры, особенно в молодежной среде.
4. Переоценка культурного наследия. Происходит переосмысление культурного наследия баасистского периода, реабилитация ранее запрещенных культурных явлений.

Изменения в общественном сознании

Лингвокультурные трансформации отражают и одновременно влияют на изменения в общественном сознании:

1. Фрагментация идентичности. На смену унифицированной "иракской идентичности" баасистского периода приходит более сложная и многослойная система идентификаций, включающая этнические, религиозные и региональные компоненты.
2. Религиозация общественного сознания. Наблюдается усиление роли религиозных ценностей и практик в повседневной жизни.

3. Плюрализация мировоззрений. На смену единой идеологической системе приходит разнообразие мировоззренческих установок.

4. Изменение исторического сознания. Происходит переоценка исторических событий и фигур, формирование новых исторических нарративов.

Сравнительный анализ лингвокультурных изменений в России и Ираке. Сопоставление лингвокультурных трансформаций в России и Ираке позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические особенности:

Общие тенденции:

1. Деидеологизация общественно-политической лексики.
2. Демократизация публичной риторики.
3. Глобализация культурного потребления.
4. Плюрализация мировоззрений.

Специфические особенности:

1. В России наблюдается тенденция к секуляризации общественного сознания, в то время как в Ираке происходит усиление роли религии.
2. В России процесс трансформации носил более эволюционный характер, в то время как в Ираке он был во многом обусловлен внешним вмешательством.
3. В Ираке языковая политика характеризуется признанием многоязычия, в то время как в России сохраняется доминирование русского языка.
4. В Ираке наблюдается более выраженная фрагментация национальной идентичности по этноконфессиональному признаку.

Обсуждение

Анализ трансформации политических лозунгов, клише и стереотипов в России и Ираке в периоды смены режимов выявляет как общие тенденции, так и специфические особенности, обусловленные историческими, культурными и геополитическими факторами.

Общей тенденцией для обеих стран стала деидеологизация общественно-политической лексики. В России это выразилось в отказе от коммунистической терминологии, в Ираке - в отходе от баасистской риторики. Однако процессы деидеологизации имели различную динамику: в России он носил более эволюционный характер, тогда как в Ираке был резко ускорен внешним вмешательством.

Демократизация публичной риторики наблюдалась в обеих странах, но с разной степенью интенсивности. В России этот процесс был более

выражен, что отразилось в появлении новых политических терминов, связанных с демократическими институтами. В Ираке демократизация риторики сочеталась с усилением религиозных элементов в политическом дискурсе.

Глобализация культурного потребления стала общим трендом, проявившимся в усилении влияния западной массовой культуры и английского языка. Однако в Ираке этот процесс сопровождался параллельным усилением роли традиционной религиозной культуры, чего не наблюдалось в России.

Плюрализация мировоззрений характерна для обеих стран, но имеет различные проявления. В России это выразилось в большем разнообразии политических и идеологических позиций, тогда как в Ираке плюрализация во многом происходила по этноконфессиональному признаку.

Специфической особенностью трансформации в России стала тенденция к секуляризации общественного сознания, в то время как в Ираке наблюдалось усиление роли религии в публичной сфере. Это различие обусловлено как историческими факторами, так и особенностями политической культуры двух стран.

Языковая политика в Ираке характеризуется признанием многоязычия и расширением прав языковых меньшинств, что не наблюдается в России, где сохраняется доминирование русского языка. Это различие связано с различной этнической структурой населения и историческими моделями национального строительства.

Фрагментация национальной идентичности по этноконфессиональному признаку более выражена в Ираке, что является следствием как исторических факторов, так и особенностей постконфликтного развития страны. В России, несмотря на наличие этнического и религиозного разнообразия, сохраняется более целостная концепция гражданской идентичности.

Таким образом, сравнительный анализ лингвокультурных трансформаций в России и Ираке демонстрирует, что при наличии общих тенденций, обусловленных глобальными процессами демократизации и глобализации, конкретные формы и динамика этих изменений существенно различаются в зависимости от национального контекста.

Заключение

Проведенное исследование трансформации политических лозунгов, клише и стереотипов в России и Ираке в периоды смены режимов позволяет сделать ряд существенных выводов.

Во-первых, лингвокультурные изменения в обеих странах отражают фундаментальную перестройку социальных и политических систем, демонстрируя глубокую взаимосвязь между языковыми практиками и общественно-политическими трансформациями.

Во-вторых, несмотря на наличие общих тенденций, таких как деидеологизация лексики, демократизация публичной риторики и глобализация культурного потребления, конкретные формы и динамика этих процессов существенно различаются в зависимости от национального контекста.

В-третьих, специфические особенности лингвокультурных трансформаций в каждой стране обусловлены комплексом факторов, включая исторические традиции, модели национального строительства, особенности политической культуры и характер смены режима.

В-четвертых, анализ выявил противоречивый характер лингвокультурных изменений, где процессы демократизации и плюрализации сочетаются с тенденциями к фрагментации общества и усилению роли традиционных идентичностей.

Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение. В теоретическом плане они вносят вклад в понимание механизмов взаимодействия языка, культуры и политики в условиях радикальных общественных трансформаций. В практическом аспекте результаты исследования могут быть использованы для прогнозирования социокультурных последствий политических изменений и разработки эффективных стратегий управления лингвокультурными процессами в переходных обществах.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на более детальный анализ региональных и социально-групповых особенностей лингвокультурных трансформаций, а также на изучение долгосрочных последствий этих изменений для развития политической культуры и гражданского общества в России и Ираке.

Bibliography

- Саддам Хусейн Бывший президент Ирака (1979 – 2003). (ИЮЛЯ 2024 г.). Получено из lenta.ru: <https://lenta.ru/lib/14159682/full.htm>
- Al- Ali, Z. (2014). *Competing Narratives and the Iraq War: Debating the British Involvement. Middle East Critique. 23(2),203-218.*
- Al- Marashi, I. (2018). *The geopolitical context of the Iran-Iraq war. The Iran-Iraq War: The Geopolitics of a Conflict, 1967-1988.* Edinburgh University Press.
- Bengio, O. (2012). *The Kurdish Spring. The National Interest. 117,8-17.*
- Bonnell, V. (1999). *The Iconography of the worker in Soviet political art* (In S. Wite & Kenez (Eds.) *Political culture and civil society in Russia and the Soviet Union ed.*). Palgrave Macmillan.
- Bottici, C. &. (2006). *Rethinking political myth: The clash of civilisations as a self-fulfilling prophecy.* Retrieved from <https://doi.org/10.1177/1368431006065715>
- Britannica, T. E. (n.d.). *Britannica.* Retrieved from <https://www.britannica.com/event/Iran-Iraq-War>
- Dixon, J. (2017). *Discourse, dictatorship and deception: controlling the story in post- Soviet Russia.* ECPR Press.
- Entman, R. (1993). Retrieved from Oxford Academic: <https://academic.oup.com/joc/article-abstract/43/4/51/4160153?redirectedFrom=fulltext>
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power.* London: Longman.
- Gudkov, L. (2004). *Negative identity: Statuses, attitudes and values among the Russian people in the aftermath of the reforms of the 1990s.* *Russian Social Science Review.*
- Ihsan, B. (2015). *Comprehending Demonization in Iraq: Saddam Hussein and Political Myth-Making." Totalitarian Movements and Political Religions (16(1) ed.).*
- Ingram, H. J. (2020). *The ISIS reader: Milestone texts of the Islamic State movement.* Oxford University Press.

- Janks, H. (1997). Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0159630970180302>
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic mountain: Stalinism as a civilization*. University of California Press.
- Kuzio, T. (2022). *Dark duality: Revolution and counterrevolution in Ukraine*. Routledge .
- Laruelle, M. (2009). *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. Palgrave Macmillan.
- Mendelson, S. E. (2005). Retrieved from https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/twq08springmendelson.pdf
- Mohammed, M. (2019). *Reuters*. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/world/middle-east/--idUSL8N24U2OL/>
- Riordan, J. (2007). *Propaganda and Nation-Building in the Soviet Union*. (R. T. Mattson, Ed.) Edwin Mellen Press.
- Samer. (2010). *aliraq.net*. Retrieved from <https://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/6720.html>
- Scherr, A. (2017). *The Russian dialectic: Moscow conceptualists reckon with Soviet postmodernity*. De Gruyter.
- Tarrow, S. G. (2010). *Sage journals*. Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0010414009350044>
- Tsygankov, A. P. (2021). *The dark double*.
- Warrick, J. (2022). *Black flags: The rise of ISIS*. Random House.
- White, S. (1990). *Gorbachev in power*. Cambridge University Press.
- Арон, Р. (2003). *Демократия и тоталитаризм*. Москва: Наука.
- Бушев, А. Б. (2004). *Исторический анализ публичных релейшенз пентагона при освещении военной операции в Ираке. В Актуальные проблемы теории коммуникации*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГИУ.
- Герасимов, О. (2004). *Иракская нефть*. Москва: ИНФРА.

- Дыдко, С. Н. (2003). *Россия в эпоху социализма: Учебно-лекционный курс для учащихся общеобразоват. учреждений и студентов вузов*. Москва: Просвещение.
- Матузов, Н. И., & Малько, А. В. (1997). *Политико-правовые режимы: актуальные аспекты* (Т. 1). *Общественные науки и современность*.
- Чудинов, А. П. (2006). *Политическая Лингвистика*. Москва: Флинта.
- Штомпка, П. (1996). *Социология Социальных Изменений*. Москва: Аспект Пресс.

References

- Saddam Hussein, Former President of Iraq (1979-2003). (July 2024). Retrieved from lenta.ru: <https://lenta.ru/lib/14159682/full.htm>
- Al-Ali, Z. (2014). Competing narratives and the Iraq War: Debating the British involvement. *Middle East Critique*, 23(2), 203-218.
- Al-Marashi, I. (2018). *The geopolitical context of the Iran-Iraq War, 1967-1988*. Edinburgh University Press.
- Bengio, O. (2012). The Kurdish Spring. *The National Interest*, 117, 8-17.
- Bonnell, V. (1999). The iconography of the worker in Soviet political art. In S. White & P. Kenez (Eds.), *Political culture and civil society in Russia and the Soviet Union*. Palgrave Macmillan.
- Bottici, C., & Challans, T. (2006). Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy. Retrieved from <https://doi.org/10.1177/1368431006065715>
- Britannica, T. E. (n.d.). Iran-Iraq War. Retrieved from <https://www.britannica.com/event/Iran-Iraq-War>
- Dixon, J. (2017). *Discourse, dictatorship and deception: Controlling the story in post-Soviet Russia*. ECPR Press.

- Entman, R. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51-58.
- Fairclough, N. (1989). *Language and power*. London: Longman.
- Gudkov, L. (2004). Negative identity: Statures, attitudes and values among the Russian people in the aftermath of the reforms of the 1990s. *Russian Social Science Review*, 45(3), 3-26.
- Ihsan, B. (2015). Comprehending demonization in Iraq: Saddam Hussein and political myth-making. *Totalitarian Movements and Political Religions*, 16(1), XX-XX.
- Ingram, H. J. (2020). *The ISIS reader: Milestone texts of the Islamic State movement*. Oxford University Press.
- Janks, H. (1997). Discourse, power, and resistance: A critical discourse analysis of students' talk about language. *Language and Education*, 11(3), 161-184.
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic mountain: Stalinism as a civilization*. University of California Press.
- Kuzio, T. (2022). *Dark duality: Revolution and counterrevolution in Ukraine*. Routledge.
- Laruelle, M. (2009). In the name of the nation: Nationalism and politics in contemporary Russia. Palgrave Macmillan.
- Mendelson, S. E. (2005). Searching for a post-Cold War foreign policy legitimacy. *The Washington Quarterly*, 28(2), 107-130.
- Mohammed, M. (2019). News article. Reuters.
- Riordan, J. (2007). Propaganda and nation-building in the Soviet Union. In R. T. Mattson (Ed.), *Soviet and post-Soviet politics*. Edwin Mellen Press.
- Samer. (2010). Iraqi laws. Retrieved from <https://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/6720.html>

- Scherr, A. (2017). The Russian dialectic: Moscow conceptualists reckon with Soviet postmodernity. De Gruyter.
- Tarrow, S. G. (2010). The strategy of paired comparison: Toward a theory of practice. *Comparative Political Studies*, 43(2), 230-259.
- Tsygankov, A. P. (2021). The dark double.
- Warrick, J. (2022). *Black flags: The rise of ISIS*. Random House.
- White, S. (1990). *Gorbachev in power*. Cambridge University Press.
- Aron, R. (2003). *Democracy and totalitarianism*. Moscow: Nauka.
- Bushev, A. B. (2004). Historical analysis of Pentagon public relations in covering the military operation in Iraq. In *Actual problems of communication theory*. Saint Petersburg: SPbSPU Publishing.
- Gerasimov, O. (2004). *Iraqi oil*. Moscow: INFRA.
- Dydko, S. N. (2003). *Russia in the socialist era: Educational and lecture course for secondary school students and university students*. Moscow: Prosveshchenie.
- Matuzov, N. I., & Malko, A. V. (1997). *Political and legal regimes: Topical aspects*. *Social Sciences and Modernity*, 1.
- Chudínov, A. P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta.
- Sztompka, P. (1996). *Sociology of social change*. Moscow: Aspect Press.

تحول الشعارات والقوالب النمطية خلال تغييرات الاتجاهات السياسية

¹علي حسين هادي،² البدر عدنان حبيب لفته
¹جامعة بغداد/ قسم البعثات والعلاقات الثقافية
²جامعة كربلاء

المستخلص

تستعرض هذه الدراسة التحولات التي طرأت على الشعارات السياسية، والعبارات الرائجة، والقوالب النمطية في روسيا والعراق خلال فترات تغيير الأنظمة السياسية في أواخر القرن العشرين وأوائل القرن الحادي والعشرين. الهدف الرئيسي من العمل هو التحديد والتحليل المقارن للتغيرات اللغوية والثقافية التي رافقت التحولات السياسية في كلا البلدين.

تشمل منهجية البحث تحليل محتوى النصوص السياسية، والتحليل المقارن للتحولات اللغوية، وتحليل البيانات الإحصائية. الفرضية الرئيسية هي أنه على الرغم من وجود اتجاهات شائعة في التغيرات اللغوية والثقافية بسبب العمليات العالمية للديمقراطية والعولمة، إلا أن الأشكال والديناميكيات المحددة لهذه التغيرات تختلف بشكل ملحوظ تبعاً للسياق الوطني.

تظهر نتائج الدراسة أن كلا البلدين شهدا عمليات إزالة الأيديولوجية من المفردات الاجتماعية والسياسية، وتحرير الخطاب العام، وتعدد وجهات النظر. ومع ذلك، تم الكشف عن اختلافات كبيرة، لا سيما في طبيعة سياسة اللغة ودور الدين في الخطاب العام. وتسهم الدراسة في فهم آليات التفاعل بين اللغة والثقافة والسياسة في ظل التحولات الاجتماعية الجذرية، ويمكن استخدامها للتنبؤ بالعواقب الاجتماعية والثقافية للتغيرات السياسية.

الكلمات الدالة: صناعة الاساطير السياسية، الاطار البلاغي، تحليل الخطاب، التحليل المقارن